
Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-1-64-59-66

**ОБРАЗ ДЖЕГУАКО В РОМАНЕ «МЕДВЕЖЬИ КОГТИ»
С.Х. МАФЕДЗЕВА**

Елена Нартшаевна Бетуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© Е.Н. Бетуганова, 2025

Аннотация. Процессы глобализации, создавая новую социокультурную среду, раздвигая рамки пространственно-временных и информационных ограничений, способствовали стандартизации образа жизни, унификации моделей социального поведения. Полифония и борьба ценностей приводили к желанию человека обратиться к традиционным смыслам, в том числе и закрепленным в культурной этнической системе. Исторически сложившиеся культуры национальных общностей представляли собой главный источник, из которого личность черпала жизненные смыслы, образующие основу ее самосознания, духовное содержание бытия. Понимание национальной идентичности в романе «Медвежьи когти» достигается через проникновение в историю. Истинную устойчивость, по мнению автора, динамической этнической системе придают не какие-то отдельные признаки, а его культура в целом, накопленный на ее основе специфический исторический и социальный опыт, закрепленный в традициях, в исторической памяти народа. Действенным способом проявления этноидентичности в исследуемом романе является обращение к истории народа, через аксиологию которой осуществляется развитие представлений современника о национальных идеалах. В статье воссоздан образ далеких современников периода Кавказской войны, их мирозерцание и ценностные установки. В отличие от архивных документов, позволяющих узнать преимущественно внешнюю канву событий, художественные произведения позволяют раскрыть их внутренний смысл, отразить образ жизни этноса, его иерархию ценностей и модель поведения.

Ключевые слова: С. Мафедзев, роман «Медвежьи когти», черкесская песня, джегуако

Для цитирования: Бетуганова Е.Н. Образ джегуако в романе «Медвежьи когти» С.Х. Мафедзева // Вестник КБИГИ. 2025. № 1 (64). С. 59–66. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-1-64-59-66

Original article

**THE IMAGE OF DZHEGUACO IN THE NOVEL “BEAR CLAWS”
BY S.KH. MAFEDZEV**

Elena N. Betuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© E.N. Betuganova, 2025

Annotation. The processes of globalization, creating a new socio-cultural environment, pushing the boundaries of space-time and information constraints, contributed to the standardization of lifestyle, unification of models of social behavior. The polyphony and struggle of values led to a person's desire to turn to traditional meanings, including those fixed in the cultural ethnic system. Historically, the cultures of national communities represented the main source from which a person drew the vital meanings that form the basis of his self-awareness, the spiritual content of being. Understanding of national identity in the novel "Bear Claws" is achieved through insight into history. According to the author, the dynamic ethnic system is given true stability not by some individual characteristics, but by its culture as a whole, the specific historical and social experience accumulated on its basis, fixed in traditions, in the historical memory of the people. An effective way to manifest ethnic identity in the novel under study is to turn to the history of the people, through the axiology of which the contemporary's ideas about national ideals are developed. The presented article recreates the image of distant contemporaries of the period of the Caucasian War, their worldview and values. Unlike archival documents, which allow us to learn mainly the external outline of events, works of art allow us to reveal their inner meaning, reflect the way of life of an ethnic group, its hierarchy of values and model of behavior.

Keywords: S. Mafedzev, novel "Bear Claws", Circassian song, Dzheguako

For citation: Betuganova E.N. The image of Dzheguaco in the novel "Bear claws" by S.Kh. Mafedzev. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2025; 1 (64): 59–66. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-1-64-59-66

Огромное значение в воспитании молодежи в духе господствовавших в адыгском обществе идеологических представлений и ценностей играли песня и песенный фольклор. Адыгская песня, прославлявшая война-наездника и его подвиги, сопровождала его от рождения до смерти, как об этом писал С. Хан-Гирей. Песня – обобщение мировосприятия системы ментальных, философско-социальных и этико-эстетических взглядов народа с глубокой древности. В песнях нашел воплощение сложный комплекс явлений традиционной культуры, истории, в котором переплетены элементы архаических представлений, нравственно-этических норм, выработанные обществом за всю свою историю. «Профессиональное исполнение эпических сказаний и песен о нартах, хранение их в памяти поколений входило в круг основных занятий носителей народной художественной традиции, именуемых термином «джегуако» [Гутов 2011: 91].

В некотором смысле песня обладала свойством выступать «в роли метаязыка идеального образа действий и мыслей» [Хагожеева 2019: 222]. В романе «Медвежья когти» автор рассказывает о красивой, если не сказать несколько идеализированной, адыгской семье Билостана и Жангулаз. Особый акцент автор делает на том, как мать воспитывает мальчиков. Мать Жагулаз рассказывала детям немереное количество преданий, сказок, песен. В них была воплощена мудрость адыгского народа. «*Зи хэхъуэгъуэ, зи зыжъыгъуэ, дунейр зи цлэщыгъуэ, сытри зыфлэхъэлэмэт цыкхуэр хабзэми, бзыпхъэми, цыхугъэми – адыгагъэм хуэуэщыгъын хуейц*» [Мафедзев 1998: 7] – («Подрастающее поколение должно воспитываться на адыгских обычаях». Подстр. пер.). Особенно Жангулаз любила напевать сыновьям незамысловатую песенку: «*Тыкэ, тыкэ, дадэ, тыкэ мыл, дадэ къамылапцэ, дадэ пщыгъэшыныэ, дадэ*» [Мафедзев 1998: 7] – («Тик, тик, дедушка играет на шикапшине, дедушку побаивается даже князь». Подстр. пер.). Детям было интересно, кто этот загадочный дед, о котором поется в песне, и который может устрашать даже князя. А самое главное – они не могли понять, как и чем пожилой старик, играющий на шикапшине, может держать в страхе другого человека. Незамысловатые строчки позволяют понять этническую психологию адыгов и их философию духа, понять мотивацию поведения далеких предшественников. При всем высоком развитии индивидуального начала в поведении, личность обретала социально-значимый статус в адыгском обществе в зависимости от того, насколько общественно важным было его отношение к родине, к обществу, к долгу перед

людьми. Иными словами, личность была в значительной степени социально детерминирована. Это типологически сближало адыгское общество с эпохой рыцарства. Р. Кардини, известный этнолог, писал: «Все их действия публичны, поэтому зависят от публики, а не определяются индивидуальными намерениями, они ориентированы на норму, принятую в соответствующей среде» [Кардини 1987: 313]. Анализируя философию черкесского удальства, Б.Г. Бгажноков высказал мнение, что в основе его лежит взгляд на сражение как на спектакль.

«Существовал институт профессиональных наблюдателей за ходом подобных спектаклей. Это были народные и придворные музыканты, стихотворцы, певцы-джегуако. Черкесский воин ощущал себя актером. Но играл он не столько перед своими соратниками, и даже не столько перед народными певцами, сколько через посредство последних – перед обществом, перед своей референтной группой» [Бгажноков 1983: 169]. Перед началом сражения народные певцы-джегуако занимали места на холмах, деревьях и других возвышенностях местности, на которой должна была произойти битва. Наблюдая за ходом сражения, они отражали его в песнях. Бард далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. Присутствие популярного барда во время битвы – лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость. Интересны слова джегуако: «Я одним словом из труса делаю храбреца, защитника своего народа» Эту фразу первым сформулировал С. Урусбиев: [СМОМПК, вып. I, Тифлис: 1881, I–VIII]. Ее потом повторяли Веселовский, Горький, Лапинский [Лапинский (Тэффик-бей) 1995: 18] и др. Джегуако, наблюдавшие за сражением, могли не только воспеть храбрецов, но и высмеять трусов. Э. Спенсер писал: «Джегуако не только воспевают подвиги храброго, но упрекают предателя и труса, разоблачают преступления того, кто нарушает законы общества» [Спенсер 1994: 74, 80]. Как только в семье знатного черкеса рождался ребенок, аталык за определенную плату поручал джегуако сложить в честь своего воспитанника песню. О характере и содержании этих песен Хан-Гирей писал: «В песнях этого разряда упоминают о знатности и подвигах предков и родственника воспитанника и предрекают будущую его славу. Младенец-воспитанник, приходя постепенно в юность, узнает ему предреченные деяния почти прежде имен родителей; а между тем, войдя в лета возмужалости, старается оправдать, сколько возможно, предреченные ему подвиги. После этого можно ли удивляться, что ... черкес от колыбели до гроба гоняется за славой храброго война» [Хан-Гирей 1989: 112–113].

«По своей роли в обществе они были близки античным аздам и рапсодам, русским коморохам, европейским комедиантам», – пишет А.М. Гутов [Гутов 2011: 91]. Особенностью джегуако было то, что они совмещали в себе несколько профессий и были певцами, декламаторами, рассказчиками и шутами. Интересно сравнить образ джегуако с героями риторических автобиографий и биографий. Это не были произведения книжного характера, отрешенные от конкретного общественно-политического события. Напротив, они всецело определялись событием, это было публичное прославление или публичный самоотчет реальных людей. Этот реальный хронотоп – площадь («агора»). Античная площадь – само государство (притом – все государство со всеми органами), высший суд, вся наука, все искусство, и на ней – весь народ. Высшие инстанции – от государства до истины – были представлены и воплощены, были зримы-наличны. И в этом конкретном и как бы всеобъемлющем хронотопе совершались раскрытие и пересмотр всей жизни гражданина, производилась ее публично-гражданственная проверка. В таком биографическом образе человека не было ничего личного, повернутого к себе самому. Человек здесь открыт во все стороны, он весь вовне, в нем нет ничего для себя одного, нет ничего, что не подлежало бы публично-государственному контролю и отчету [Бахтин 1986: 169].

Таким образом, социальные функции как джегуако, так и героев риторических автобиографий и биографий способствовали выработке стереотипов «правильного» поведения, формированию его социально одобряемых форм [Хагожеева 2019: 42].

В раннесредневековый период в их прерогативу входили сопровождение воинов в походах (джегуако, по свидетельству ряда авторов, вдохновляли воинов пламенными речами и песнями о героях прошлого, во время сражений наблюдали за происходящим, а впоследствии в ту же сочиненной песне восславляли достойных и осмеивали трусов). В песнях джегуако Багауша – героя романа С. Мафедзева, выражаясь словами Б.Х. Бгажнокова, воспеваются разные ипостаси понятия мужества. Доблесть, побеждающая угрожающий нравственности страх; стойкость, противостоящая разрушительному действию страданий; толерантность, позволяющая воздержаться от импульсивных реакций, необдуманных поступков; и, наконец, мужество-благородство, являющееся источником великодушия, справедливости, самоотверженного служения людям» [Бгажноков 1991: 151].

После боя джегуако Багауш приступил к своим прямым обязанностям: осматривал раненых и убитых, напевая песню, которую сочинил такой же джегуако, как и он сам. Но он твердо знал, что песня с таким содержанием могла ранить сильнее пули:

*Зи щыбкІэ шэ кызыхэІуэм
ЩІэпцакІуэ хуезмыгъэщыІын.
Афэм лыпсыр кызыпхивыкІми,
Лы хъупхъэм и зауэ нэфІуц [Мафедзев 1998: 29].*

Тому, кто получил пулю в спину,
Не устрою обряда чапш,
Даже если кольчуга пропитана кровью,
Настоящий мужчина борется до конца.
(Подстр. пер. – Е.Б.)

Его интересовало, как именно встретил смерть воин: лицом к лицу или это был удар в спину. В первую очередь его взор пал на Бара Куаго. Было очевидно, что его жизнь унесла пуля, попавшая в спину. Мудрый джегуако пришел к неутешительным выводам: его убили те же, чью сторону он принял: генерал Булгаков и казаки. «Ауэ зауэлым и уфэрэнкыкІам мыхъэнэшхуэ дыдэ ират псэууэ къэна адыгэхэм. Нэхъыщхъэри шэр кызытехуэ лъэныкъуэщ. УхуэкІуэу, ухуэжэу ажалэм улуцІэныр лыгъэщ. Ауэ щыбкІэ бдзациІэ тыккыр къэпхыныр – къэрабгъагъэм, напэтехым и нэщэнэ жагъуэщ» [Мафедзев 1998: 29]. – «Для адыгов большое значение имеет, как именно погиб воин. Главное: куда именно попала пуля. Стрелит ли смерть лицом к лицу – вот настоящее мужество. Но пуля, попавшая в спину, к сожалению, ассоциируется у адыгов с трусостью» (Подстр. пер. – Е.Б.).

Черкесы придавали большое значение самому моменту смерти. Каждый воин стремился встретить ее так, чтобы вызвать похвалу окружающих. Позором считалось быть раненным в спину. Такое ранение, да и такая смерть, по мнению черкесов, не могли считаться героическими. Поэтому распространенный мотив, известный адыгским историко-героическим песням, – принять смерть, повернувшись лицом к врагу. Как воин проявил себя в бою, можно было определить по тому, каким образом в него попала пуля. Лицом к лицу он столкнулся с опасностью или получил удар в спину. Этому адыги придавали большое значение. Вообще, в оппозиции «впереди-позади» много нюансов, которые необходимо учитывать при интерпретации связанных с ней правил поведения. Например, хорошо известно, что в период феодализма во время сражений и военных походов предводитель наездников (чаще всего это был князь) обязан был неизменно выступать впереди партии. Уступив в минуту опасности первенство кому-либо из воинов, он мог прослыть трусом. По той же причине во время отступления предводитель наездников находился в арьергарде группы, то есть в месте, где было опаснее всего, оберегая свою партию от возможных преследователей. Согласно принятым правилам и

установкам, самые храбрые и мужественные воины занимали позицию в арьергарде, в хвосте, защищая спутников от любого неожиданного нападения. Соответственно, песенная формула «в хвосте конницы крепостью он был» ... являлась признанием мужества и готовности к самопожертвованию ради товарищей. Определенно, что джегуако будет прославлять героя как храброго и самоотверженного рыцаря, принимающего на себя ответственность по защите своих товарищей. Во время боевой вылазки, в наезде наиболее опасным было расположение в авангарде. Находящиеся во главе отряда первыми подвергались опасности в случае атаки, внезапного нападения. Нахождение в авангарде во время наступления, а во время возвращения или отступления в арьергарде – свидетельство мужества и храбрости героя, и это обстоятельство находит отражение в историко-героических песнях. Например, в песне «Жэцтеуэ» – «Ночное нападение»:

*Когда кинтское войско вступает в Кашку – он
передовой всадник.*

*Когда возвращались, в хвосте конницы
Крепостью он был... [Адыгские песни... 2014: 286].*

Мужественным считался лишь тот, кто не боялся заглянуть смерти в лицо. Мужество в понимании героя песен, исполняемых джегуако, – это высокая мера проявления воинской храбрости и долга. Он не желает прятаться от врага, а принимает решение сразиться лицом к лицу. Если же воина ранили в спину, то считали, что он проявил трусость, более того, такое ранение ассоциировалось с позором.

Определенное различие делалось между убитыми огнестрельным и холодным оружием. «*Зауэр щеклуэкIа ныджэм шэмэджыкI, гуахъуэкI, бжэгуу цыбгъуэ-тыну гугъутэкъым. Адыгэхэм я нэхъыбэу Iэцэ папцIэу яIыгъар арат*» [Мафедзев 1998: 31]. – «Там, где был бой, были вилы, коса, другого вида оружия для <простолюдина->адыга не существовало» (Подстр. пер. – Е.Б.). Созвучный мотив можно наблюдать в сказке «Пшитль». В реплике иныжа находит реализацию существовавшее у адыгов представление о стрелковом оружии как оружии труса: «Лучше, если он будет без меча, сказал дракон, – убить меня из ружья он сочтет недостойным для себя» [Адыгские народные сказания и сказки 2014: 214]. В этом отношении представляют интерес воспоминания одного из участников Русско-Кавказской войны Н.И. Лорера. Он обратил внимание на одну странность в поведении горцев, грузивших трупы черкесских воинов. Как и джегуако Багауш, горцы отбирали тела убитых пулями. Воин-черкес не имел морального права проигрывать в равном бою, и поскольку пулей можно было убить любого, даже самого храброго воина, его прощали [Лорер 1988: 484]. П.Г. Бутков писал о кабардинцах, что они считали несчастьем умереть от солдатского штыка или казачьего копья [Бутков 2001: 41]. Самое большее, на что мог претендовать уцелевший воин – на войлочную шапку, в народе именуемую «фыз пыIэ пIынэ» – «колпак труса».

Интерес представляет эпизод, в котором проявляется отношение джегуако к раненым. Когда Багауш, Билостан и Гуашоко увидели раненого Андрея Водкина, Гуашоко хотел его убить, так и не сумев забыть все то зло, что причинила русская армия его народу. В ту же секунду его незамедлительно остановили, недоумевая, как можно позволить себе такое по отношению к раненому. Они строго напомнили ему, что воин-адыг никогда не посмеет поднять руку на раненого: «*Мыпхуэдиз гусэ бзаджэр къыдэзытам мыри яхэтащ. Мырмауэу узиIэ Джырандыкъуэ къепыджу зыукIар. А пабжэ дьдэм дежкэ, Бэгууш, Джырандыкъуэ и хьэдэр... – Сьт уи жьэ къекIуэр? Цыху уIэгъэ ... Ар сьт адыгэ напэ! – зы жьэу къильащ Бэгу-эушрэ, Бильостэнрэ, Гуэщокъуэ щIрагъэгъуэжарэ и псалъэхэр зэIурилъэфэжу*» [Мафедзев 1998: 31]. – «Этот человек был среди тех, кто принес нам столько горя. Возможно, именно от его руки погиб Джирандоко... – Что ты говоришь? Раненый

воин... Ты же адыг – в один голос сказали Багауш, Билостан, Гуашоко» (Подстр. пер. – Е.Б.). В песнях джегуако находят воплощение принципы, выражающие установку на необходимость гуманного отношения к побежденному противнику и неприемлемость проявления жестокости: «*Лы пхам лы еуэркъым*» – «Связанного мужчину настоящий мужчина не бьет»; «*Лы Іэцэниэ еуэркъым*» – «Безоружного настоящего мужчину не бьет». Напавший на раненого, безоружного, не имеющего возможности оказать сопротивление, покрывал себя позором, его сравнивали с женщиной [Мафедзев 1998: 54].

Во время боя считалось зазорным нападать на безоружного или раненого, не могущего оказать сопротивление человека. Установка, согласно которой считается недопустимым нападение на беззащитного противника, присутствует в нартском эпосе: «*Унарт нэтми лыгъэ улІэкъым, – жиІац иныжъым, – сыжсеуэ укъызуээн хуеякъым ... Бэтэрэз и гъацІэм и кфуэцІкІэ афІэкІа жесеуэ зыми езауэ-жакъым*». – «Хотя ты и нарт – нет в тебе мужества, – сказал иныж, – ты не должен был ударить меня во сне... Батараз больше никогда за всю свою жизнь не напал на спящего» [Нарты. 7 т. 1970: 178–179]. Отношение к нарушению правил ведения войны и к поверженному противнику находит отражение в словах Багауша. В представленных эпизодах ярко проявляются значимое для адыга достоинство, которое было равносильно храбрости. Более того, два этих качества – человечность и мужество – были взаимосвязаны и не могли существовать друг без друга. Вес и уважение в обществе человеку давали не одна физическая храбрость и сила, а прежде всего соблюдение норм «адыгэ хабзэ». В системе принципов «адыгэ хабзэ» понятие человечности занимало одну из ключевых позиций. Человечность обязывала щадить самолюбие окружающих. Смысл адыга хабза – поддержание личного достоинства человека. Поэтому им осуждается унижение человеческого достоинства, произвол сильного над слабым. Если победитель находит раненого, то берет его к себе, содержит самым лучшим образом, платит врачу, и, наконец, по выздоровлении дарит ему прекрасную лошадь и полное на одного человека вооружение, даже одежду, и все делает из одной чести, не имея в виду ни одного вознаграждения, кроме похвалы народной [Мирзоев 2021: 118].

А.М. Гутов пишет: «В структуре древнеадыгского общества предтечи джегуако исполняли сакральные функции, – как, впрочем, их типологические родственники у народов и Запада, и Востока. Первоначально они совмещали функции певцов, плясунов, языческих жрецов, колдунов, врачей» [Гутов 2011: 92].

В момент, когда целитель Бамырза хотел извлечь пулю, он обратился к джегуако как к врачу: «*Бэгъэуи, уи шыкІэпшынер къащити, зэрпхузэфІэкІкІэ нэхъ шабэу шэхх макъамэ къигъэкІ*» [Мафедзев 1998: 33] – «Багауш, возьми шикапшину и сыграй нежную мелодию, которая обезболит извлечение пули» (Подстр. пер. – Е.Б.). Однако Бара Куаго проявил малодушие и трусость: он закричал от боли в момент извлечения пули. Вследствие этого врачующий джегуако вынес жесткий вердикт, он отложил шикапшину, попросил, чтобы его крепко держали, иначе он мог убежать, что ему не достаточно для поднятия духа песен. Песни джегуако был удостоен воин, который в соответствии с принятыми этическими и моральными нормами проявлял стойкость духа. Созвучные мотивы мы видим в предании о князе Аджигирее Кушукупше («Ажджэрий и къуэ Кушыкупщ и уэрэд»). Аджигирей, чтобы отвлечься от боли, вызванной раной, взял музыкальный инструмент и сам стал на нем играть. Это вызвало негодование супруги, которая упрекнула благоверного, что он нетерпим к боли. Музыкальный инструмент пострадал от руки раненого, который отказался от всякого рода обезболивающих, в том числе и шикапшины, которая отвлекала от боли. Настоящий воин в любой позиции должен был сохранять самообладание, быть невозмутимым, никогда не поддаваться панике и страху. Терпение и выносливость воспитывались в нем с раннего детства. Согласно единодушным свидетельствам очевидцев, страдания от ран черкесы переносили с необыкновенной твердостью, даже тяжело раненные

не выражали громко своих страданий, стараясь сделать вид, что они ничего не чувствуют. Рыцарский кодекс обязывал мужественно переносить страдания. По обычаю, вокруг раненого днем пели и плясали с целью отогнать злых духов и ускорить выздоровление. Если больной охал, морщился, то навлекал на себя дурное мнение народа и подвергался насмешкам. Именно поэтому лекарь запретил играть мелодию для Бара Куаго, отвлекающую его от боли.

«Надо сказать, что длительный период военных действий на Кавказе породил песни и предания не только – и даже не столько – о героических подвигах, как этого можно было ожидать. Величальные песни об истинных героях сочинялись адыгскими джегуако не в ознаменование очередного подвига, а чаще всего как мемориальные, посмертно – в память о погибшем» [Гутов 2011: 96]. Благодаря песням джегуако происходит порыв в сферу трансцендентного. Несмотря на культурную дистанцию, песни открывают забытый мир ценностей, помогают обрести смысл подлинной жизни, трогают сердца, уставшие от бессмысленного существования. В этом отношении роль джегуако в адыгском обществе была огромна. Анализируя характер и значение черкесских песен, А.Г. Кешев писал: «Песня дорога для адыгов. Ведь это единственный памятник его прошедшего» [Кешев 1998: 228].

Таким образом, джегуако играли роль историков и поэтов. Благодаря им история нации, отраженная в героических песнях, передавалась из поколения в поколение, а имена народных героев обретали бессмертие. Это и нашло художественное воплощение в романе С.Х. Мафедзева в образе певца и песнетворца Багауша.

Список источников и литературы

- Адыгские песни... 2014 – Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Печатный двор, 2014. 653 с.
- Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.
- Бгажноков 1991 – *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Нальчик: ГП «Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 1991. 188 с.
- Бгажноков 1983 – *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.
- Бутков 2001 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 355 с.
- Гутов 2011 – *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве. Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216с.
- Кардини 1987– *Кардини Ф.* История средневекового рыцарства. Москва: Прогресс, 1987. 384 с.
- Кешев 1998 – *Кешев А.Г.* Характер адыгских песен // Каламбий. Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 222–237.
- Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 463 с.
- Лорер 1988 – *Лорер Н.И.* Записки моего времени // Мемуары декабристов. Москва: Правда, 1988. С. 313–546.
- Мафедзев 1998 – *Мафедзев С.Х.* Медвежьи когти: Роман. Нальчик: Эльбрус, 1998. 542 с.
- Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 400 с.
- Нарты 1970 – Нарты. Адыгский героический эпос: В 7-ми томах. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1970. Т. 4. 309 с.
- СМОМПК 1881 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. I. Тифлис, 1881. С. I–VIII.
- Спенсер 1994 – *Спенсер Эд.* Путешествие в Черкесию. Майкоп: Адыгея, 1994. 153 с.
- Хагожеева 2019 – *Хагожеева Л.С.* Адыгская феодальная знать: по материалам фольклора. Нальчик: Принт Центр, 2019. 268 с.

Хан-Гирей 1989 – Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1989. 300 с.

References

- Adygskie pesni vremen Kavkazskoi voiny* [Adyghe songs from the time of the Caucasian War]. Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2014. 653 p. (In Russian).
- БАКХТИН М.М. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 541 p. (In Russian)
- БGAZHNOKOV B.KH. *Cherkesskoe igrishche*. Nal'chik: GP «Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905g.», 1991. 188 s. Bgazhnokov B.KH. Ocherki etnografii obshcheniya adygov. Nal'chik: Ehl'brus, 1983. 232 p. (In Russian)
- BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722-go po 1803* [God Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803]. Nal'chik: Ehl'-Fa, 2001. 355 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Konstanty v kul'turnom prostranstve* [Constants in the cultural space]. Publitsistika. Fol'klor. Literatura. Nal'chik: Ehl'brus, 2011. 216 p.
- KARDINI F. *Istoriya srednevekovogo rytsarstva* [The History of Medieval Chivalry]. Moskva: Progress, 1987. 384 p. (In Russian)
- KESHEV A.G. *Kharakter adygskich pesen // Kalambii. Zapiski cherkesa* [The nature of the Adyghe songs // Kalambiy. Notes of a Circassian]. Nal'chik: Ehl'brus, 1998. P. 222–237. (In Russian)
- LAPINSKII T. (Teffik-bei). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [The Mountaineers of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. Nal'chik: Ehl'-Fa, 1995. 463 p. (In Russian)
- LORER 1988 – Lorer N.I. *Zapiski moego vremeni // Memuary dekabristov* [Notes of my time // Memoirs of the Decembrists]. Moskva: Pravda, 1988. P. 313–546. (In Russian)
- MAFEDZEV 1998 – Mafedzev S.KH. *Medvezh'i kogti: Roman* [Bear Claws: A novel]. Nal'chik: Ehl'brus, 1998. 542 p. (In Russian)
- MIRZOEV A.S. *Genezis i ehvolyutsiya traditsionnoi voennoi kul'tury cherkesov (Srednevekov'e – Novoe vremya)* [Genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians (Middle Ages – Modern Times)]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2021. 400 s. (In Russian)
- Narty. Adygskiei geroicheskii ehpos: V 7-mi tomakh* [Sleds. The Adyghe heroic epic: In 7 volumes]. Maikop: Adygeiskii nauchno-issledovatel'skii institut, 1970. T. 4. 309 s. (In Russian)
- Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. Vyp. I. Tiflis, 1881. Pp. I–VIII. (In Russian)
- SPENSER Ehd. *Puteshestvie v Cherkesiyu* [A trip to Circassia]. Maikop: Adygeya, 1994. 153 p. (In Russian)
- KHAGOZHEEVA L.S. *Adygskaya feodal'naya znat' po materialam fol'klora* [Adyghe feudal nobility]. Nal'chik: Print Tsentr, 2019. 268 s. (In Russian)
- KHAN-GIREI 1989 – Khan-Girei. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. Nal'chik: Ehl'brus, 1989. 300 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е.Н. Бегуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

E.N. Betuganova – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 30.03.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 30.03.2025.